

Загорская вотчина, Владимирской губернии в Переяславском уезде

Находясь в минувшем 1849 году, по делам службы, Владимирской губернии в городе Переяславле-Залесском, заехал я по дороге к одному знакомому помещику, имение которого находится в трёх верстах от Никольской Солбинской Пустыни. Подъезжая к господскому дому, застал я там всех в большом смятении и хлопотах. Вдали багровое зарево облегалo пространство, где выстроена деревянная Солбинская обитель. Пламя распространялось быстро; а между тем отдаление монастыря от окрестных селений и самое положение его среди густого, почти непроницаемого бора представляли большие препятствия к скорому оказанию помощи. Тем не менее, усердные к обители крестьяне стекались со всех сторон, кто с топором, кто с ушатом. Я отправился на пожар вместе с помещиком, к которому приехал, ожидая увидеть, как обыкновенно бывает в таких случаях, много хлопотливости и весьма мало распорядительности в усердных гасителях; но когда приблизились мы к ограде монастырской, нас поразили порядок и тишина, с какими действовали более трёхсот крестьян, под руководством почтенной наружности человека в военном сюртуке, стоявшего у пожарной трубы: звучный голос его громко раздавался среди окружающей толпы, и, повинуясь ему, народ не имел время суетиться, вопить и бесполезно метаться из стороны в сторону, а работал дружно, с толком, и потому успешно. Пожар был потушен, и молодцы, получив от настоятеля монастыря благословение за оказанную помощь и за спасение церкви и келий, пустились в обратный путь, с удовольствием в душе, но нимало не хвастаясь своим добрым делом: потому что подать помощь ближнему русский человек считает своею обязанностью, и в исполнении этой обязанности не находит ничего такого, за что бы следовала ему хвала; а поусердствовать чем в силах храму Божию есть величайшее для него наслаждение, высочайшая радость. с. 212

Я осведомился, чьи эти крестьяне, и узнал, что они принадлежат к Загорской вотчине губернского секретаря А. Д. Нарышкина, а распорядился ими управляющий этим имением отставной поручик г. Безпалов, храбрый воин 1812 года, заслуживший уважение и любовь всего уезда добротой своею и услужливостью. с. 213

Впоследствии, имев случай наслушаться о трудолюбии, трезвости и благосостоянии загорских крестьян, я решился лично с ними ознакомиться и вникнуть в причину, столь резко отделяющую нравы загорских поселян от совершенно противных им свойств крестьян соседних. Подъезжая к имению, ждал я встретить на каждом шагу великолепие, роскошь и какие-либо из иностранных нововведений: без роскоши мы как-то не привыкли представлять себе довольства, и как-то не верим в возможность успеха, происходящего из развития собственных сил и начал, хотя блистательное опровержение тому видим в хозяйстве и благосостоянии крестьян удельных. Скоро, однакоже, убедился я, что ошибался в предположениях: подъехал к самому селу Загорью, и всё ещё не заметил ни одного предмета, который бы порастил меня. Избы деревенские ничем не отличались от прочих, виденных мною во всей губернии; господские строения оказались самой скромной наружности; садик занимал пространство не более десятины: но во всей усадьбе заметны были порядок и устройство; между тем как совершенно русский сельский её вид производил самое приятное впечатление. с. 214

*Ф—в, Г. П. Загорская вотчина, Владимирской губернии в Переяславском уезде / Г. П. Ф—в // Журнал министерства внутренних дел. — 1850. — Т. 30. — С. 212—226.

¹Из «Путевых Записок о России» Г. П. Ф—ва. Редакция Ж. М. В. Д. свидетельствует автору искреннейшую благодарность за доставление этой статьи, столь обильной важными и утешительными фактами. с. 215

Отрекомендовав себя управляющему, я просил дозволения осмотреть вверенное ему имение, на что он с радушием согласился и сам взялся указать мне всё достойное внимания. Сперва, как день был воскресный, предложил он мне отслушать обедню, к которой только что начинали благовестить. Подходя к церкви, увидел я на паперти несколько прехорошеньких девочек с клубками в руках: на вопрос, что это значит, зачем эти клубки в ручонках у детей, г. Безпалов объяснил мне, что крестьянки загорские приучают девочек своих заниматься пряжей с самого малолетства, с трёхлетнего возраста, и что, по принятому издавна обычаю, первый плод детских трудов своих, первые клубочки пряжи должны они посвящать Богу, приносить в церковь, где клубки эти и отдаются старосте церковному. Управляющий, с своей стороны, разумеется, употребляет все старания к поддержанию этого прекрасного обычая: по большим праздникам одевает он пряниками крошечных прях, некоторым дарит ленточки, серёжки, хвалит за трудолюбие; и, по словам его, поощрение это не остаётся без влияния на нравственность и усердие детей к работе в следующих возрастах.

с. 216

Обедню слушал народ с благоговением и молился усердно; по совершении литургии священник начал читать одну из проповедей отца Пискарёва:¹ и тут-то можно было заметить на выразительных лицах слушателей, как быстро, как живо русский простолудин усвоит себе мысль, доступную его рассудку. Познакомясь с священником, я узнал от него многие черты необыкновенной набожности его духовных детей. Так, во время последней холеры, столь страшно свирепствовавшей в Переяславском уезде, все они сами собою единодушно положили приступить к таинству причащения, и по совершении святого обряда не предаваться ни страху, ни унынию, а спокойно и усердно заниматься обычными сельскими работами; Провидение помиловало добрых крестьян: зараза не коснулась их, ни один человек в Загорье не сделался её жертвою, тогда как кругом смерть так и косила. Согласно пословице «на Бога надейся, а сам не плошай», содействовали тому и меры человеческого благоразумия: по распоряжению Управляющего, всякие сношения загорцев с соседями на время эпидемии были прекращены. Но замечательно — и обстоятельство это нельзя приписать ничему иному как благословию Господнему, почиющему на добрых загорцах за чистые их нравы и богобоязненную, трудолюбивую жизнь — замечательно, что, кроме холеры, и другие бедствия, поражающие соседние имения, точно будто не переходят через рубеж благословенного Загорья. Таким образом черви, в один из последних годов истребившие озими по всему Переяславскому уезду, опустошив окрестности Загорской вотчины, не тронули ни одного из полей этого имения, как будто бы обведено оно было очарованною чертою; между тем от этого зла не было принято никаких мер осторожности. Равным образом не потеряли поселяне загорские ни одной штуки скота и вследствие падежа, от которого пала значительная часть рогатого скота по целой Владимирской губернии. Совершенного неурожая не было у них также в течение двадцати лет, хотя и случалось, что жатва страдала несколько от засухи или от непрерывных дождей; впрочем, и в такие дурные годы не только не приходилось помещику помогать крестьянам своим хлебом, но они не соглашались даже на уступку оброка, которая предлагалась им в таких случаях, и уплачивали его всегда с одинаковою исправностию.

с. 217

с. 218

К числу столь же редких явлений принадлежит и необыкновенное трудолюбие загорских женщин. И везде на Руси крестьянская женщина не сидит сложа руки, да не везде спорится у них работа в такой мере, как у загорок: этому способствует немало их воздержность и примерная чистота нравов. После уборки хлеба и окончания молотбы, с 1 ноября принимаются они тотчас же пряхть лён; работают все от осьми до шестидесяти-пяти-летнего возраста. Кроме малолетних девочек меньше осьми лет, помогают им в этом и многие из мужчин. Пряжа продолжается во всю зиму до 1 марта; тогда начинают ткать холсты, и к 1 апреля работа оканчивается. Каждая женщина и девушка от пятнадцати до пятидесятилетнего возраста даёт в дом положительно 10 холстов, а иные по 11 и даже по 13; длина каждого такого холста 30 аршин, [21,3 м] а ширина — 9 вершков. [40 см] Искусство их и усидчивость в работе так велики, что они вытыкают по целому такому холсту в день; начинают в пять часов утра, а к семи вечера работа уже окончена: быстрота невероятная,² неслыханная, и объясняющаяся только наметкою к делу с раннего детства, только страстным соревнованием, побеждающим даже природную леность! Прослыть дурною пряхою считается величайшим бесчестьем между жен-

с. 219

¹ Может быть, не всем нашим читателям известны проповеди о. Пискарёва: это маленькая книжка превосходно приспособленных к понятиям простого народа коротеньких поучений, изданная в Санкт-Петербурге в 1849 году, под заглавием «Поучения к Сельским Прихожанам». — Редакция Ж. М. В. Д.

² Действительно, невероятная! — Редакция Ж. М. В. Д.

щинами вотчины. К 20 июня все холсты уже выбелены, и подрядчики покупают их наперерыв. Всех прях от осьми до шестидесяти-пяти-летнего возраста насчитывается во всех селениях Загорской вотчины до 420, а со включением помогающих им мужчин и малолетних ребят, общее число пряжущих можно положить приблизительно в 580 человек; вырабатывается же этим числом в общей сложности, кроме того, что идёт на домашнее потребление, ежегодно более 6 000 кусков, поступающих в продажу, ценою всего почти на *десять тысяч рублей серебром*. Таким образом, одни холсты доставляют здесь крестьянам вдвое противу того, что нужно им на уплату оброка.

Свидетельством же благочестия, царствующего между этими трудолюбивыми крестьянами, служит прекрасная отделка здешней сельской церкви. Не в счёт сумм, пожертвованных единовременно на этот предмет, управляющий и крестьяне ежегодно делают на украшение местного храма своего приношения весьма значительные. Из этих пожертвований, в течение последних десяти лет, приделана к прежней холодной новая тёплая церковь, вызолочен иконостас, куплены колокола: глядя на Загорский храм, трудно поверить, чтобы его могли устроить на собственное иждивение какие-нибудь пятьсот душ оброчных и притом не торгующих, не промышленных, домоседов-крестьян!

с. 220

Побеседовав с священником, сел я с управляющим в экипаж, и мы объехали всё имение, состоящее, кроме села Загорья, по которому называется и вся вотчина, ещё из десяти деревень. При осмотре этом не представилось глазам моим никаких из тех усовершенствований, земледельческих или хозяйственных, которыми хвалятся обыкновенно рациональные агрономы. Имение находится на оброке; господской запашки нет; а крестьянам не навязывают улучшений, до сознания пользы которых не дошли они собственным опытом. Зато дороги, мосты, избы и другие крестьянские строения оказались в такой исправности, какой не надо желать лучше; всё дышало довольством, спокойствием; поля обещали жатву самую удовлетворительную. Почва земли в имении сама по себе неплодородна; но изобилие рогатого скота даёт крестьянам возможность удобрять её в надлежащей мере, и хлеб родится несравненно лучше, чем у соседних поселян. Естественные луга, по обеим сторонам протекающей в имении речки, показались мне не хуже искусственных, стоящих обыкновенно стольких издержек и трудов; прежде было здесь много болот; но покойный помещик, бывший Таврический Гражданский Губернатор Д. В. Нарышкин, осушил многие из них и обратил под луга или пашню; другие поросли берёзовыми рошицами. Кроме того, имение окружено с одной стороны дремучим бором, обильно довольствующим крестьян строевым лесом; но при этом бестолковая рубка воспрещена строжайше, и бдительно надзирается, чтобы не происходило воровства. Меры эти приняты издавна, и потому, когда во всём соседстве лес в настоящее время уже истреблены, Загорская вотчина одна сберегла это сокровище, столь необходимое для сохранения влажности земли и для защиты от северного ветра.

с. 221

По возвращении из объезда зашли мы в контору, где все бумаги и отчёты по управлению имением, равно как документы на владение разными его частями и семейные акты помещиков нашёл я расположенными в таком порядке, которому многие архивы могли бы позавидовать. Из актов этих я узнал, что Загорская вотчина пожалована роду Нарышкиных Императрицею Анною Иоанновною, следовательно, более ста лет находится в одном роде, и в течение этого периода ни разу, даже на короткое время, не переходила в чужие руки. Это обстоятельство весьма важно; ибо главнейшим образом содействовало к образованию и сохранению той приверженности крестьян к своим помещикам, а с другой стороны — того расположения помещиков к крестьянам, какие существуют в вотчине с давнего времени и до сих пор, составляя одну из причин её благоденствия. Перолистовав экономические книги, я увидел, что господской земли в Загорской вотчине числится:

с. 222

под пашнею и сенокосом	2 864 дес.	[3 129 га]
под заказным строевым лесом	800 дес.	[874 га]
под пустошами	505 дес.	[552 га]

итого 4 169 десятин; сверх того, самими крестьянами прикуплено пашни и лугов — 500 десятин; так что всей земли при вотчине, господской и крестьянской, находится — 4 669 десятин. [5 101 га] Ревизских мужеского пола душ считается в имении — 535, а тягол оброчных — 300. Каждое тягло обложено оброком в 17 р. 14²/₇ к. серебром. Затем крестьяне не отбывают никаких господских повинностей, и не подвержены никаким другим сборам. Выше замечено, что для уплаты положенного оброка достаточно им половины того, что выручают они продажею

одних холстов. Что касается до доходов владельца, то сверх 5145 р. оброчных, получается ещё им, средним числом за несколько лет, 895 р. серебром с отдающихся в наём пустошей и 371 р. с находящихся в имении господских мельниц: всего — 6411 р. серебром. Таким доходом пользуются владельцы имения неизменно в течение более тридцати лет.

с. 223 Расходов по управлению имением из этой суммы не делается почти никаких: все они покрываются суммой, выручаемой от продажи плодов — из сада, да овощей — из огорода при помещицкой усадьбе, и других мелких доходов, не входящих в итог показанного прихода. Неимоверно дёшево обходится также и плата управляющему: имея главное местопребывание своё в Загорье, он заведывает вместе и всеми другими имениями Н. Ф. Нарышкиной и сыновей её Ф. Д. и А. Д. Нарышкиных, находящимися в разных губерниях; по расчёту получаемого за всё это жалованья, за управление Загорскою вотчиною приходится ему только около 150 р. серебром в год.

Сколько удивило, столько же порадовало меня, при посещении конторы, и другое обстоятельство, мною там замеченное. Известно, как безграмотно, с какими ошибками против языка и орфографии производится обыкновенно наше письмоводство, не только сельское, но и по городам. В конторщиках Загорских поразил меня не красивый, щегольской почерк их: это теперь уже не редкость; а уметь выражаться на письме просто, не путая предложений, и довольно правильно, как в синтаксическом, так и в орфографическом отношении. Этим обязана контора также попечительности управляющего.

с. 224 Наконец, что касается до полицейской администрации в вотчине, то и она, как свидетельствовали мне соседние владельцы и местные уездные власти, находится в самом удовлетворительном положении. Устраняя от крестьян все посторонние притеснения, управляющий в то же время внушает им неуклонное повиновение к мерам, предписываемым начальством. Вследствие этого, во время рекрутского набора никогда не оказывается нужным употребление какого-либо насилия или даже строгости; и мало того, что не бывает буйных пьяных сходбищ в самом имении, крестьяне загорские не ездят даже на ярманки и празднества в другие соседние имения: а найдёт к ним какой-нибудь чужой болтун с глупыми толками и нелепыми рассказами, они приводят его немедленно к управляющему.

Разделив с радушным управляющим загорским русскую хлеб-соль, я возвратился восвояси; но беседа с г. Безпаловым о житье-бытье загорских крестьян и о причинах их благоденствия оставила во мне глубокое впечатление. Благодаря ей я вполне убедился — в чём, впрочем, всегда был более или менее уверен — что, при доброй, покорливой природе русского селянина, при его набожности, здравом смысле и сметливости, с ним весьма легко управиться, так чтоб жил он припеваючи, благословляя Бога и своих благодетелей. Надо только, чтобы управляющий был человек не злой, хотя с небольшим, но с толковым умом, и внушал к себе повиновение; а кто может лучше удовлетворить этим и другим требованиям, как не человек, который родился и вырос между крестьянами, а потом многие годы жизни провёл в борьбе с опасностями и лишениями военной жизни, где привыкши повиноваться сам, научился вместе и требовать повиновения от других! Управитель-иностранец или приказчик из дворовых, по разным причинам, редко умеют обращаться с крестьянами как должно: оттого и крестьяне редко их любят, и повинуются им неохотно. Другое дело израненный в битвах служивый, с знаками отличия на груди: одною наружностью вселяет уже он к себе уважение и доверие; привыкши же довольствоваться малым, без предубеждений против народа, без лишних замыслов и претензий на свой собственный счёт — с одной стороны, а с другой — не будучи связан с отданными под управление его людьми узами кумовства или старой вражды, он, при малейшем старании, приобретает расположение крестьян и управляется с ними как в своём семействе. А сколько в отечестве нашем найдётся почтенных, заслуженных инвалидов, которые бы считали за счастье докончить жизнь в покойном, уютном сельском уголке, где бы совестливо могли заменять

с. 226 для крестьян отсутствующих по разным причинам помещиков, действуя с толком в пользу тех и других!

В частности же о Загорской вотчине изо всего узнанного вывел я то заключение, что причины благосостояния её заключаются в чистоте нравов, трезвости и трудолюбии её населения. При тех же материальных условиях, но при другой нравственности крестьян, имение было бы совсем не то, что оно есть. А высокая степень нравственности загорцев и загорок есть, в свою очередь, следствие их религиозности и благоразумного ими управления. Кроме других сторон, благоразумие последнего особенно выказывается в том, что оно не даёт мужской части населения увлекаться приманкою больших прибылей и оставлять для того семью и родную печь: семейная жизнь и развивает в загорском населении все хорошие стороны русской природы.

Шатанье по свету в виде ли заработков, в образе ли путешествия, изощряет ум и способности: это правда; но с тем вместе несомненно и то, что оно портит нравственность. А при дурно направленной воле, чем развитее ум, тем он вреднее и для самого человека, и для его собратий. Эта истина — ровесница миру.

Перепечатано без редакционных примечаний в газете:

Загорская вотчина, Владимирской губернии в Переяславском уезде // *Владимирские губернские ведомости (часть неофициальная)*. — 1851. — 26 мая (№ 21); 2 июня (№ 22); 9 июня (№ 23). — С. 152—153; 159—161; 165—167.